

Дальше некуда

Мы шли по ледяной дороге, схваченный холодом снег хрустел под ногами, как битое стекло. Низкое, но не греющее солнце освещало белую долину. Далекие, но от разреженного воздуха кажущиеся совсем близкими горы сверкали шапками снега. Мы вышли из леса.

Пасека Пирогова осталась внутри. Мы шли вдвоем, не торопясь, по укатанной нашей «буханкой» дороге. Мы шли встречать ребят, которые уехали в село за маральим мясом и мукой. Время было обеденное, но Вождь решил не садиться без них за стол. Ребята опаздывали. Вождю надоело слушать наше недовольное бурчание, пора бы, мол, обедать, и он решил прогуляться, из-за своей упертости не меняя решения. Я пошел с ним. Мы молчали. Это часто бывало, когда мы оставались вдвоем. Мне всегда хотелось сказать ему о многом, а спросить о еще большем, и поэтому я молчал. Круг сузился, из нескольких тысяч товарищей по партии тут оказались тринадцать. Именно здесь ощущалась и сосредоточилась партийная материя действия, выжимка

из всех предыдущих лет существования партии. «Отсюда начнется победа», — думал я тогда.

Первым нарушил молчание Вождь. Была у него все-таки, как говорила наша погибшая подруга Маша Забродина, боязнь долгих пауз, когда неловкость собеседника может выплеснуться глупостью. Глупость Вождь не переносил.

— Сид, смотри, мышка замерзла, — сообщил он, остановившись у снежного бруствера.

На дороге лежал маленький трупик рыжей полевки. Вождь потрогал ее носком ботинка. Мышка еще не примерзла.

— Недавно умерла, может, минуту назад, — рассуждал Вождь, — бежала куда-то, дела срочные были, а вот бац, и замерзла.

Вождь говорил как бы самому себе, рассматривая мертвую мышку. Мы покинули место маленькой трагедии. Через несколько шагов Вождь оглянулся, будто надеясь, что мышка оживет и побежит дальше, по своим важным делам.

— Вот ведь Димка Бахур, — неожиданно сказал он, — маленький, щуплый, в тюрьме туберкулез заработал, в черепе куска кости нету, а какой железный стержень внутри! Прет вперед и прет!

Я взглянул на Вождя: тоже небольшого роста, черные джинсы, камуфляжная телогрейка с меховым во-

ротником, шапка-ушанка с завязанными сверху ушами. От морозного воздуха его и так большие в очках глаза казались еще больше, восторженней. В линзах очков отражался Алтай. Я кивнул. Вождь остановился и, прикрыв от солнца глаза рукой, посмотрел вдаль — не едут!

Дорога бежала через склоны и ландшафтные неровности, перепрыгивала незамерзающую бурную горную речку и неслась вдаль.

— Не едут! — подтвердил я.

Ничто не нарушало тишину.

— А вот там, — Вождь показал рукой на ближайший склон горы, — как-то утром я видел, как спускался марал с огромными рогами! Медленно, гордо! Мощный, старый!

— Почему старый? — спросил я.

— Я понял, что старый, почувствовал. Старый, но сильный! — Вождь восхищенно ухмыльнулся.

Я, кажется, увидел отражение спускающегося марала в линзах его очков. Когда Вождь говорит что-то важное, для себя важное, его голос становится похожим на тихое рокотание, как будто кто-то перекатывает не спеша булыжники. Он улыбается и смотрит на тебя как бы со стороны, скосив глаза, будто проверяет, пробует на тебе свои размышления. Запоминает.

— Ну что, пойдём обратно.

— Пойдемте.

Как только мы развернулись, послышалось эхо урчания нашей «буханки».

— О, а вот и пацаны! — обрадовался Вождь и весело зашагал на пасеку, к протопленной туре, где на печи уже давно томилось маралье мясо в огромном чугунном казане.

На мертвую мышь Вождь больше не взглянул.

Это был первый день моего нахождения на пасеке Пирогова, в семнадцати километрах от деревни Банное, что на границе с Казахстаном в Алтайском крае. Вождь с группой товарищей уедет завтра. А я, Дима Бахур и Коля Балувев из Новосибирска останемся зимовать.

Ехал я сюда долго, через несколько городов, изображая тощего студента с железом в рюкзаке. Такими были и Бахур с Колей.

Пацаны же были бородаты и пропитаны до костей тайгой и горами. Я был по-питерски бледен, они — закопчены солнцем. Мы сидели в туре при свете керосиновой лампы. Мы пили крепкий с травами чай из алюминиевых кружек. Выпитая до этого поллитровка водки лишь пощекотала желудок. Я почувствовал себя участником какого-то дешевого ритуала. Пол-литра на восьмерых! Позорище. В городе я таким количеством запивал уже выпитое. Вообще-то, было две бутылки, но Вождь утвердительно предложил оставить одну на завтра. Все нехотя промолчали. С вождями не спорят.

Наевшись, но не напившись, все разом замолчали. Только кипятком хлюпали. Сидящие в ряд бородатые товарищи вслед за Вождем крутили свои усы. Еще и рты пооткрывали, как он. Вот сидит Мишка, большой, как медведь. Рядом Серега улыбается чему-то своему. Даже Олег — водитель нашей боевой «буханки» — схватился за свою куцую монголоидную растительность. Он немного нервничает. Он устал от Алтая и думает только о том, как уедет наконец в город. Смотрел в никуда Коля. Только он, я и Бахур, который развалился на кровати с видом довольного кота, были бриты. У Акопяна начала разъезжаться в стороны его немного буратинная тридцатитрехзубая улыбка, разламывая пополам густую армянскую щетину. «Сейчас будет шутка», — догадался я, съевший с Акопяном не один десяток разных колес.

— Миша, Отто Браун! — сверкнул зубами Акопян.

Шутка, как я потом узнал, действует безотказно. Миша засмеялся сразу, без промедлений. Так смеется громом веселая весенняя гроза. Издалека, раскатисто, все ближе — и апогей. Тура зашаталась, задрезжали стекла. Подхватили все, кроме Вождя, который только хмыкнул. Он смотрел по сторонам, было видно, что он, как четки, перебирает окружающий мир. Много мяса, смеющиеся товарищи, его бойцы, чай в алюминиевых кружках, стол из грубых почерневших досок,

непроглядная темень за окном, чадающая керосиновая лампа. Горы, Алтай, партизанская база. Что еще нужно любому вождю?

А Отто Браун — это германский посланник Коминтерна в Китае. Его фотография с совершенно идиотским лицом в круглых очках, смеющегося лошадиной пастью, когда-то вот так подействовала на Мишу. Почему — он и сам объяснить не мог.

— Ну все, спать! — прервал веселье Вождь.

Нам с Колей спальных мест не хватило, и мы ушли в другую туру. Я залез в спальный мешок и моментально уснул. Мне приснился мертвый Отто Браун с разбитыми очками.

Сквозь сон я услышал и, приоткрыв один глаз, увидел, как в серой паутине утренних сумерек бормочет что-то под нос Коля, надевая на себя зимнюю одежду.

Коля вышел, улыбнулся, вдохнул кристаллы морозного воздуха и огляделся, потирая руки. Солнце только начало сдирать над вершинами гор черную шкуру зимней алтайской ночи. Коля подошел к сараю, где еще с вечера присмотрел пустую канистру из-под бензина. Улыбка не сходила с румяного лица. Зрачки расширились в нетерпении. Подойдя к туре, где спали Вождь и пацаны, Коля вдохнул и выдохнул, чтоб не закричать смехом, и, стуча рукой по канистре, пошел по сугробам вокруг туры. Нарезав со своим бубном кругов пять, он замерз, ногой открыл дверь.

— Эх, вы! Сейчас облил бы дом бензином, поджег, засел бы метрах в десяти с «сайгой» и перестрелял бы всех, кто выскочит! — насмешливо и разочарованно орал Коля с порога. — Ни постов не выставили, ни хуя! Эх, говорил мне папа не связываться с непрофессионалами!

Коля вышел, хлопнув дверью. Никто даже сказать ничего не успел. Все посмотрели на Вождя.

— Тоже мне, учитель нашелся! — проворчал Вождь и перевернулся на другой бок.

«Сайги» у Коли не было, а те два обреза, что я привез с собой, я спрятал под упавшую сосну за турой. Про другие стволы Коля не знал. Вчера, когда предъявил обрезы пацанам, они высмеяли меня, зачем, мол, ты это привез, надо было их выкинуть. Я и сам понимал, что они ни о чем. Одноразовые. Я привез их из Сталинграда (ныне Волгоград). В Волгограде на вокзальной площади меня встретил Макс Анохин. На пребывание здесь у меня было три дня. Билеты на все мои передвижения были куплены заранее, причем на чужие паспорта. Аноха сразу начал меня кошмарить.

— Сид, тут полный пиздец! — шептал он мне в ухо, пока мы ехали в их волгоградском недометро.

Трамвай ныряет под землю на несколько метров, так же гремя и позвякивая в этой норе, как и снаружи, а потом выныривает, отряхнувшись, в неожиданном месте и дальше идет трамваем.

— У пацанов несколько дней назад обыски прошли! За нами следят! — говорил мне этот красивый, похожий на избитого Алена Делона парень в черном пальто. — В квартирах прослушка! О делах только на бумаге! Понял?

Он замолчал и на кого-то оглянулся. Я понял. «Мать твою ети!» — подумал я.

Я ехал к нему в Волгоград забрать, как мне сказали, винтовку Мосина и два калаша, возможно, тротил. Никто не предупредил меня, что он распиздяй, и поэтому я ему поверил. В его трехкомнатной квартире жрать было нечего, денег у Анохи тоже не было. У меня были. Я купил гречку, тушенку и водку. Аноха показал, где подешевле. На водку подтянулся друг Анохи, тоже партиец. Он почистил подгнившую луковицу, открыл тушенку. Гречка варилась. Пока партиец готовил, я переписывался на листке в клетку с Анохой. «Стволы есть?» — «Есть, но не все». — «Сколько?» — «Два обреза». — «А калаш?» — «За городом, сейчас ехать за ним опасно». Он прекратил писать и жестами подозвал к окну.

— Вон, смотри!

Он ткнул пальцем в окно.

— Куда?

— Вот, вот!

Он показывал на белую «газель» с затемненными окнами, стоящую недалеко от подъезда.

— Ну и? — спросил я.

Он вернулся к тетрадному листку. «За нами следят, это прослушка!» — «Мать твою ети!» — это я не писал, подумал про себя, но про Максима Анохина. «Те два посмотреть можно?» — «Сейчас нет, они тут недалеко прикопаны, но сейчас опасно». Он развел руками — что, мол, я могу поделать — и сжег в пепельнице нашу переписку. Потом мы пили водку, ели кашу, ходили за добавкой.

— Вот это по-православному! — говорил второй партиец по любому поводу.

Аноха поднимал стопки за меня, за партию, не забывая упоминать, какие они тут гостеприимные в их Волгограде. Я еще верил и говорил спасибо, забывая иногда, что все их гостеприимство за мои деньги, вернее, за партийные. Их заработал для нас, дураков, Вождь. Долгое время партия жила на деньги Лимонова. Он был нашим единственным спонсором.

— Вот это по-православному! — сказал православный партиец и уронил свою лохматую голову русской бородой на стол — тридцатипятилетний опухший болван.

На следующий день, утром, Аноха решил поводить меня по городу. У них там много достопримечательностей. Православный с нами не пошел, он проснулся раньше и уже переопохмелялся. До Мамаева кургана мы ехали на трамвае. Там, в трамвае, Аноха кивнул на мужика в пальто и с дипломатом в руке.

— Давно за мной следит! — Он прижал свои губы к моему уху. — В дипломате камера!

Когда шли к кургану, Аноха все время оглядывался.

— Следят! — сказал он, прищулив глаза, и посмотрел куда-то вдаль, где никого не было.

На кургане было хорошо. Огромная земляная гора. Зарывшиеся на полтела в землю дзоты, вдалеке, но повиснув над нами, Родина-мать, у которой камаз помещается на вытянутой ввысь руке.

Загадочно улыбаясь, Аноха потянул меня в дзот.

— Пойдем, кое-что покажу! Вот, смотри!

Он торжественно ткнул пальцем в стену, когда мы на карачках влезли в засыпанный землей на половину помещения дзот. В углу было насрано. На стене были накарябаны руны.

— Это немецкие солдаты оставили перед смертью! — сказал он так гордо, как будто был одним из них.

Руны выглядели как будто Аноха их накарябал к моему приезду. Как гвоздем по штукатурке. До Родины-матери мы не дошли. Аноха спрыгнул с крыши дзота, на который он зачем-то залез, и вывихнул свою гребаную лодыжку. Черт бы его побрал! До дома я тащил его на себе. Все. Аноха больше не функционировал. За водкой ходил православный партиец.

— Вот это по-православному! — говорил он, пересчитывая купюры, которых у меня становилось все меньше.

Аноха лежал на кровати с опухшей рожей и ногой. Теперь мы пили у его дивана, переместившись с кухни.

— Ну, Сид, мы гостеприимные, так что скоро девчонки придут. — Он подмигнул. — На все согласные.

«А где стволы?» — написал я ему на тетрадном листке.

Он сморщился лицом, писать ничего не стал.

«Позже, Сид, позже. Не сейчас». Он многозначительно обвел комнату руками, показывая пальцем на потолок.

— Кстати, девок угостить надо. У тебя есть еще? — Он помусолил пальцы.

Православный сказал сами знаете что, небрежно засунул деньги в карман и пошел одеваться.

Девчонки — девки — оказались двумя бабами за... Черт знает сколько лет. Одна была толстая, другая, естественно, тощая. У обеих спитые рожи. С ними был мальчик лет пяти. Принадлежал он толстой. Аноха, похотливо прыгая на одной ноге, сам встретил их в коридоре. Что-то шептал им, улыбаясь в уши. Они сосредоточенно кивали, поглядывая из коридора на меня.

— Привет! — сказала, как ей казалось, весело, тощая, в ее улыбке справа не хватало зубов.

Я кивнул. Толстая, в обтягивающей все ее жириобручи натруженного тела фиолетовой кофте, помахала мне ручкой-сарделькой. Я кивнул. Вытащили мальчика из задрипанной, застиранной куртки, сняли защитные на

коленках штанишки. Запустили его на кухню. Я сидел на табурете на кухне, напротив сидел православный, взгляд его был туп. Мальчик оказался очень худым, с явными признаками дистрофии.

— О, здравствуй, Кирюша! — ласково сказал православный, пошлепал Кирюшу по голове и закрыл глаза.

Кирюша не отреагировал. Его тощее личико умственно отсталого было точно покрыто зеленкой. Красные колготки протерты на пятках, которые торчали серыми немывыми пятнами. Толстая молча дала Кирюше мятый листок и тупой красный карандаш и, посмотрев на меня, облизнула свои толстые губы, измазанные красной помадой с блестками. Девочки ушли в комнаты. Прискакал на одной ноге Аноха.

— Сид, ну давай, ты первый, мы же гостеприимные!

Он вилял глазами, Алэн Делон заплакал бы от такой игры. Я посмотрел на Кирюшу, сжимающего в кулачке карандаш, и отказался. Аноха расстроился. Тяжело вздохнул. Хлопнул православного друга по плечу.

— Ну че, будешь? — Аноха похотливо подмигнул всем лицом.

Православный открыл глаза и сказал. Блять, он опять это сказал!

Аноха насыпал в тарелку гречневой каши с тушенкой, выдавил последние капли майонеза.

— Девочки попросили! Ешь, Кирюша! — сказал Аноха, почему-то не добавив, что они же гостеприимные.

Мы с Кирюшей остались одни. Я выпил водки. Кирюша наблюдал, как карандаш в его ручке выводит какую-то закорючку. Есть он не стал. А за стеной, судя по хрипам, рыхлое мясо его мамы по-православному обильно орошалось майонезом. Я выпил водки. Опять прискакал Аноха, весь такой растрепанный, рожа лоснится. Жахнул стопку.

— Сид, ну давай. Для тебя же старались, девчонки ждут.

Я посмотрел на Кирюшу. Аноха обиженно, но не очень, уковывлял.

Через пять минут по коридору в ванную-туалет прошла тощая. В одних трусах и майке Анохи, виляя своим безжопьем, своими, блять, сволочными костями. У нее были кривые зеленые ноги, трусы свисали. Взглянула. Я смотрел на Кирюшу, он выглядел лучше, по крайней мере, у него осталось что-то человеческое в лице. Он справился, у него получился на мятом листе круг, похожий на кривой квадрат. Изо рта подтекала слюна, капая в середину круга. Кирюша начал рисовать квадрат. Я выпил водки. Она была дешевая и дрянная, поэтому ее хватало. Вернулись парочки. Кто и с кем — я не понял, да и понимать не хотелось, кто кого мял. Может, Аноха православного. Тьфу! Слава богу, они надели свои кофты и штаны с юбками.

— Пить! — сказал первое слово за этот прекрасный вечер мальчик Кирюша.

Толстая мать налила в стакан воды из-под крана. Кирюша взял его в две свои бледные ладошки и, не рассчитав силы, уронил стакан на стол, залив изображение круго квадрата. Пролилось на пол.

— Кирилл, блять, че творишь?!

Мать влепила сыну затрещину. Смяла мокрый листок, выкинула в мусорное ведро. Кирюша сморщился весь, как скомканный рисунок, и беззвучно, без слез заплакал. Ни звука! Передо мной сидел маленький старичок.

Дальше мы пили водку. Аноха смотрел на меня, ухмыляясь, толстая — с ненавистью, тощая — с тоской. Кирюша улыбался чему-то, изо рта капало. Православный никуда не смотрел.

— Максим! — Я поманил Аноху пальцем в комнату.

Он поморщился и с трудом встал. Мне хотелось его ударить. «Где, блять, стволы?» — я показывал ему это уже на руках. Он успокаивающе махал своими, мол, все будет. Мы вернулись на кухню. На Кирюшу я больше не смотрел. А остальные ушли в комнаты. От них воняло, дерьмово воняло. Я достал спальник, у меня он был. Мне его Бахур купил в Москве. А еще валенки на резиновой подошве, ботинки канадского лесоруба, рюкзак на сто литров, куртку и теплые перчатки. Еще пенку. Кирюша сидел на табуретке и, свесив ручки, тихо смотрел в пол. Я уснул.

— Сид. Сид!

Содержание

Дальше некуда	5
Как я в детский сад ходил	131
Все под Богом ходим	146
Утро на Гражданке	161
Дети сенаторов	166
Арбузы и алмазы	179
Без связи	182
В кафе	193
Три раза за полчаса	197
Пухто	204
Робертова родина	212